

МОТИВАЦИЯ И ДУХОВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

А.В. Рудых

DOI: 10.7256/2070-8955.2013.04.6

РЕСАКРАЛИЗАЦИЯ БЫТИЯ: СТОЛКНОВЕНИЕ СО СТРАХОМ В БОРЬБЕ ЗА ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается процесс «побега» индивида от принятия высших, бытийных ценностей в свете укрепления в его сознании дефицитных ценностных тенденций. Посредством анализа страха самоактуализации раскрывается сущность явления десакрализации. Показаны возможности реализации процесса ресакрализации Бытия в сознании индивида, а также обозначено место этого процесса в системе трансляции и преемственности бытийных ценностей.

Ключевые слова: психология, страх, самоактуализация, конфликт, ценности, десакрализация, сакральное, благоговение, ресакрализация, преемственность.

Последние десятилетия поставили перед всей российской общественностью существенный вопрос: хотим ли мы и в ближайшем будущем видеть человека таким, каким его описывают классические произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.П. Чехова? Если да, то проблема страха самоактуализации и его влияния на передачу ценностей не только как проблема исключительно научная, но и как проблема реальной действительности становится все более актуальной.

Идеология потребления, ставшая сущностью развития общества нового тысячелетия, детерминирует необратимый доселе процесс **десакрализации** явлений, процессов и элементов окружающей человека действительности, при котором высокие уровни ценностного восприятия реальности становятся для индивида недостижимыми, а определенные ценности исчезают из ценностного поля видимости индивида.

К.Г. Юнг назвал этот процесс «демонизацией восприятия»¹. К примеру, если мы посмотрим на женщину, то, теряя сакральность, она перестает вос-

приниматься как священный объект, как Мать, как образ-воплощение Девы Марии, ассоциируясь в сознании мужчины лишь с сексуальными удовольствиями. Теряя сакральность, «Другой» начинает восприниматься как «Чужой», а поговорка «Незванный гость — посланник Божий» превращается в «Незванный гость хуже татарина». Когда земля перестает быть священной, на нее можно плюнуть, и т.д.

Впервые термин «десакрализация» ввел А. Маслоу, характеризуя его как защитный механизм определенных психических состояний индивида: «Юноши и девушки <...> не верят в существование подлинных ценностей и добродетелей», они «научились видеть в человеческой личности объект и отказываются видеть ее потенции, ее символическое значение. Отказываются рассматривать человека под знаком вечности»². Это обеспечивает сохранность Эго человека в том комфортном диапазоне аффилиации, который он определил для самого себя: всегда удобней увидеть в жучке или бабочке лишь механизм, неживой объект — тогда будет легче насадить его на крючок, не обращая внимания на его муки.

¹ Юнг К.Г., Фуко М. Матрица безумия. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. С. 20-40.

² Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. С. 55-56.

Статья подготовлена при поддержке фонда РГНФ
(проект № 11-33-00111а2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»)

Ранее мы доказали, что десакрализация, являясь следствием победы дефицитарных ценностей индивида над его экзистенциальными стремлениями, питает свою силу в страхе самоактуализации, который дислоцируется глубоко в подсознании каждого человека³. Именно в его преодолении мы видим первую ступень экзистенциального выздоровления человека и его обращения к подлинно человеческим ценностям. Для этого необходимо знать, что из себя представляет страх самоактуализации.

Оплоты страха самоактуализации

Впервые сущность данного страха постарался раскрыть А. Маслоу через понятие «комплекс Ионы». Теоретические обоснования существования данного типа страха можно обнаружить в работах и других ученых — К.Г. Юнга (страх индивидуации), Р. Эммонса (страх высших состояний) и др.

Согласно исследованиям Маслоу, «Комплекс Ионы» — это побег от собственного самосовершенствования, от возможности стать по-настоящему Человеком. Что же заставляет индивида часто неосознанно пускаться в бег?

Основываясь на работах таких ученых, как А. Маслоу, В. Франкл, Э. Фромм, К. Хорни, Р. Эммонс, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Братусь и др., мы можем утверждать, что процесс самоактуализации требует от индивида кардинального пересмотра имеющихся жизненных позиций и ценностей в экзистенциальном направлении. Однако ввиду дефицитарной ориентации своего мышления, давления дефицитарных страхов, индивид видит в бытийных ценностях и самой самоактуализации непосредственную угрозу безопасности уже обжитой тождественности и привычным представлениям о самом себе. Поскольку именно в процессе самоактуализации ради утверждения высоких ценностей (к примеру, сострадание) необходимо столкнуться со своими дефицитарными страхами и преодолеть их. Иными словами, подлинная самоактуализация подводит человека к необходимости работы над самыми жуткими его кошмарами.

В своей работе «Невроз и рост личности» К. Хорни, опираясь на теорию К.Г. Юнга о «самости» как внутреннем интегрирующем центре личности индивида, вводит понятие «реальной самости»⁴, говоря о нем как о реальном Собственном Я, как о центральной внутренней силе, общей всем людям и все же неповторимой и уникальной у

каждого человека. Далее, К. Хорни вводит в свою теорию идею «базисного конфликта»⁵, т.е. изначального конфликта между базовыми структурными основаниями личности. На наш взгляд, этими структурными основаниями выступают реальная самость индивида и его ложная тождественность, имеющие разные ценностные основы.

Именно неразрешенный базисный конфликт стимулирует в психике индивида создание «оборонной системы» страха самоактуализации, проявляющегося в различных аспектах — в основном тогда, когда в различных ситуациях в ходе своей жизнедеятельности индивид сталкивается с необходимостью вернуться к решению своего базисного конфликта — иными словами, вернуться к необходимости выбора: стать самим собой в ходе освобождения своей реальной самости или уйти от самого себя в многочисленные ложные тождественности. Иными словами, *сущность страха самоактуализации заключается в опасении потерять свой идеализированный образ, сформированную на его основе индивидуальность и ложную тождественность* в ужасе «перед возможностью утратить приобретенные способы защиты безопасности и удовлетворения потребностей»⁶.

Нежелание индивида решить этот конфликт единственно правильным образом и сойти с дефицитарной ценностно-мировоззренческой платформы индивидуального бытия усиливает этот страх многократно, а также стремление индивида избегать возможностей разрешения базисного конфликта, а значит, и *сотен тысяч ситуаций, приводящих индивида к мыслям о своей реальной самости*.

Оси внутрличностных конфликтов

Неразрешенный базисный конфликт является источником появления множества других, более мелких, конфликтов, имеющих невротическую сущность. То, что К. Хорни подразумевает под «*внутренними потребностями, запретами и стремлениями, образующими невротические конфликты*», является уже вторичной детерминантой, закрепляющей страх самоактуализации на новом уровне, который в другом месте К. Хорни обозначает как «несоответствие между фасадом и задним планом» личности⁷. Иными словами, невротик, которым, на наш взгляд, является *каждый*, находящийся под преобладающим влиянием дефицитарных страхов, стремится продемонстрировать себе и другим определенный образ.

³ Рудых А.В. Страх самоактуализации как социокультурный фактор разлада механизма преемственности ценностей // Психология и психотехника. 2011. № 9 (36). С. 35-49.

⁴ Хорни К. Невроз и рост личности: Борьба за самореализацию. М.: Академический Проект, 2008. С. 3.

⁵ Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М.: Академический Проект, 2008. 224 с.

⁶ Там же. С. 133.

⁷ Хорни К. Собр. соч.: в 3 т. М.: Смысл, 1997. Т. 2: Новые пути в психоанализе; Самоанализ. С. 203.

Отметим, что, успешно убежав от своей самости и подлинной тождественности в иллюзорные представления о самом себе, индивид встречается с представлением общества о своей новой тождественности, с представлениями о том, что является правильным и неправильным, одобряемым и нежелательным.

Таким образом, «задний план» личности — это его ложная тождественность, а «фасад» — то, что индивид демонстрирует прежде всего самому себе, убегая уже от своей ложной тождественности, которая в сравнении с другими ему не нравится (к примеру, нерешительный мальчик, отождествляющий себя с образом неудачника и заучки, постоянно получающий тумаки от сильных сверстников, не «заучек», привлекается супергероями и стремится в своем воображении создать именно такой образ себя, который ему нравится, — сильного героя, ниндзя, спасателя, не боящегося трудностей, способного справиться с любыми обидчиками, благородного бандита, тайного мстителя, чтобы компенсировать возникающее разочарование и неудовлетворенность своей имеющейся тождественностью «ботаника»); а во вторую очередь, «фасад» — это то, что индивид демонстрирует окружающим его людям, движимый страхом неодобрения и стремления к признанию, поскольку представления об образе успешного человека в обществе могут не совпадать с тем образом, который создал себе индивид, убегая от своей подлинной тождественности, хотя вполне реально, что самому индивиду его первоначально сформированный образ вполне может нравиться. Однако общество может так не считать, вследствие чего, найдя паттерн тех качеств, что ценятся в данном обществе, индивид стремится создать свой «фасад».

К примеру, индивид в силу своей ложной тождественности не чувствует своей конституциональной предрасположенности к состраданию, взаимовыручке, альтруизму, доверию, благородству, а потому ведет себя согласно тому, как подсказывает ему его дефицитарная ориентация — не любит общаться с соседями, не считает нужным для себя помогать другим людям, делиться своим имуществом или хотя бы положительными эмоциями, проявляет стремление к власти, жаден, завистлив, горд, обидчив — иными словами, проявляет все признаки эгоистически ориентированной личности. Однако он живет в обществе, где получить то, что он хочет: власть, признание, богатство, уважение, — может только тот, кто проявляет как раз противоположные, бытийные, подлинно человеческие качества: сострадание, милосердие, взаимовыручку, жертвенность, уважение к другим, учтивость, искренность, честность, достоинство и т. д. Поэтому индивид ради своих желаний, либо из-за нежелания выделяться из общей массы или чувствовать на себе неодобрение окружающих, презрение, создает приемлемый для данной культурной

системы образ идеального человека — любящего отца, заботливого начальника, искреннего подчиненного, альтруиста и т. д.

Однако, не будь в данной культурной идеологии представления об альтруизме, невротизму вовсе не пришлось бы поддерживать видимость того, что он ничего не хочет для себя, не только скрывая свой эгоцентризм, но и подавляя свои естественные желания счастья. Иная культурная традиция с иными стереотипами побудит его изображать из себя наглого распутного ковбоя, в ином случае он будет самоотверженным воином-смертником. Однако в этом и сущность этого вторичного конфликта: индивид начинает пребывать в частых стрессах и депрессиях, поскольку долго изображать из себя кого-то не получается, вследствие чего появляется т. н. синдром «сгорания на работе»⁸, когда люди устают от своих альтруистических «обязанностей», синдром «оборотня в погонах», когда милиционера не устраивает его должность и в особенности заработная плата, и т. д. Любой конфликт способен вывести наружу это несоответствие между «фасадом» личности и его «задним планом».

Также нам представляется важным отметить факт того, что в ходе решения этих противоречивых вторичных конфликтов индивид совсем забывает о своем базисном конфликте, о том, что и «фасад», и «задний план», представляют собой, собственно говоря, многоуровневую форму его ложной тождественности. Страх самоактуализации, таким образом, получает многоуровневую поддержку, поскольку таких «фасадов» (к примеру, в форме *социальных ролей*) у индивида может быть множество.

Р. Ассаджиоли в своей психотерапевтической концепции психосинтеза называл их «субличностями», считая их динамическими подструктурами, обладающими относительной независимостью от личности⁹. Самые типичные, на его взгляд, субличности обретают формы социальных или профессиональных ролей индивида — отца, хорошего компаньона, плохого мужа, распутной женщины, доброй матери и т. д.

Р. Ассаджиоли подтверждает, что проблема субличностей заключается в том, что индивид отождествляет себя с ними, вследствие чего начинает подсознательно чувствовать раскол личности, в одной ситуации ведя себя в соответствии с поведением одной субличности, в другой — в соответствии с поведением другой субличности. Иными словами, в связи с ложной тождественностью индивида могут наступить и конфликты «третьего уровня» — кон-

⁸ Буртова Н. Б. Личностные и профессиональные предпосылки формирования эмоционального выгорания у преподавателей высшей школы // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Вып. 12 (102). С. 141.

⁹ Ассаджиоли Р. Психосинтез: принципы и техники. М.: Психотерапия, 2008. 380 с.

фликты между его «фасадами», или субличностями, что, по всей видимости, рано или поздно может перерасти из невротического конфликта в форму острого клинического психоза — шизофрении и т.п.

Таким образом, на наш взгляд, страх самоактуализации имеет как минимум трехуровневую систему укрепления, обеспечивающуюся избеганием решения конфликтов на трех уровнях (См.: Схема 1).

Как видно из схемы, тремя уровнями конфликта являются:

- 1) экзистенциальный конфликт между ложной и подлинной тождественностями индивида;
- 2) невротический конфликт между ложной тождественностью индивида («задним планом») и тем образом («фасадом», субличностью), который он создает в своем воображении для себя и окружающих;
- 3) психотический конфликт между различными субличностями индивида («фасадами», иллюзорными образами себя).

В связи с этим возникает следующий вопрос: если именно страх самоактуализации представляет собой одну из самых значительных «внутренних» угроз существования механизма преемственности ценностей, каким образом можно его преодолеть или победить?

Ранее мы показали, что естественным противовесом страху самоактуализации выступает *страх-благоговение*, являющийся кульминационной точкой развития экзистенциального страха¹⁰. Философ-богослов П.А. Флоренский утверждает, что «высокий» страх, вызывая благоговение, позволяет индивиду увидеть мир в ином свете — мистическом, священном¹¹. По мнению Г.С. Салливана, с возникновением страха-благоговения экзистенциально «изменяется ваше восприятие окружающего мира»¹².

Именно страх-благоговение является тем ключом, который позволит заново наполнить сознание индивида ощущением сакрального, а значит, преодолеть страх самоактуализации, открывшись для восприятия высших ценностей.

Итак, основываясь на построенной нами модели расположения страха в сознании индивида¹³, мы предполага-

ем, что решение проблемы влияния страха самоактуализации на выбор, совершаемый человеком, его удаление от традиционных ценностей предшествующих поколений и ценностное укрепление в области дефицитарного видения реальности лежит в области усиления экзистенциального страха и в целом чувства благоговения — перед родителями, перед природой, перед священным и непостижимым для человеческого ума. Этот процесс можно назвать **ресакрализацией**¹⁴, или восстановлением внутреннего отношения личности к подлинным ценностям Бытия.

Ресакрализация и «эмоциональное заражение»

Страх, по мнению, Г.С. Салливана, провоцируют окружающие. Для обозначения характера зависимости индивида от социума Г.С. Салливан вводит понятие «эмпатическая связь» — первоначально для обозначения характера взаимоотношений ребенка и взрослого человека, когда психическое состояние ребенка определяется настроением значимых для него окружающих людей (родителей, няни, сверстников, учителей и др.). Таким образом, Г.С. Салливан фактически выдвинул теорию о том, что настроение одного человека передается другому — к примеру, радость, сексуальное влечение, в том числе и страх. Особенно ярко это проявляется в раннем возрасте, однако в процессе взросления индивида лишь приобретает латентный характер¹⁵.

Иными словами, при достаточно глубокой насыщенности эмоционального послания, страхом можно заразить (второй шаг). Однако если можно заразить окружающих дефицитарными формами страха, значит, точно так же можно «заразить» конкретного индивида и страхом-благоговением, посредством эмпатической связи передав собеседнику чувство благоговения и ощущение сакрального. Для чего достаточно добиться лишь эмоциональной близости (первый шаг) с тем индивидом, что нуждается в ресакрализации.

Третий шаг описал в своих работах П. Тиллих посредством категории «*мужество*»: «Мужество — это сила духа. <...> Оно соединено с мудростью. <...> Мужество Быть — это мужество утверждать свою собственную разумную природу вопреки всему случайному, что есть в нас»¹⁶. «Случайное», т.е. временное, неподлинное, несвойственное сущности Человека, это дефицитарная ценностная ориентация. И чтобы возникшее чувство

¹⁰ Рудых А.В. Страх самоактуализации как социокультурный фактор разлада механизма преемственности ценностей // Психология и психотехника. 2011. № 9 (36). С. 44-46.

¹¹ Флоренский П.А. Изменение имен как внешний знак перемен в религиозном сознании. М.: Изд-во храма св. мученицы Татианы, 2006. С. 77.

¹² Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб: Ювента. М.: КСП+, 1999. С. 40.

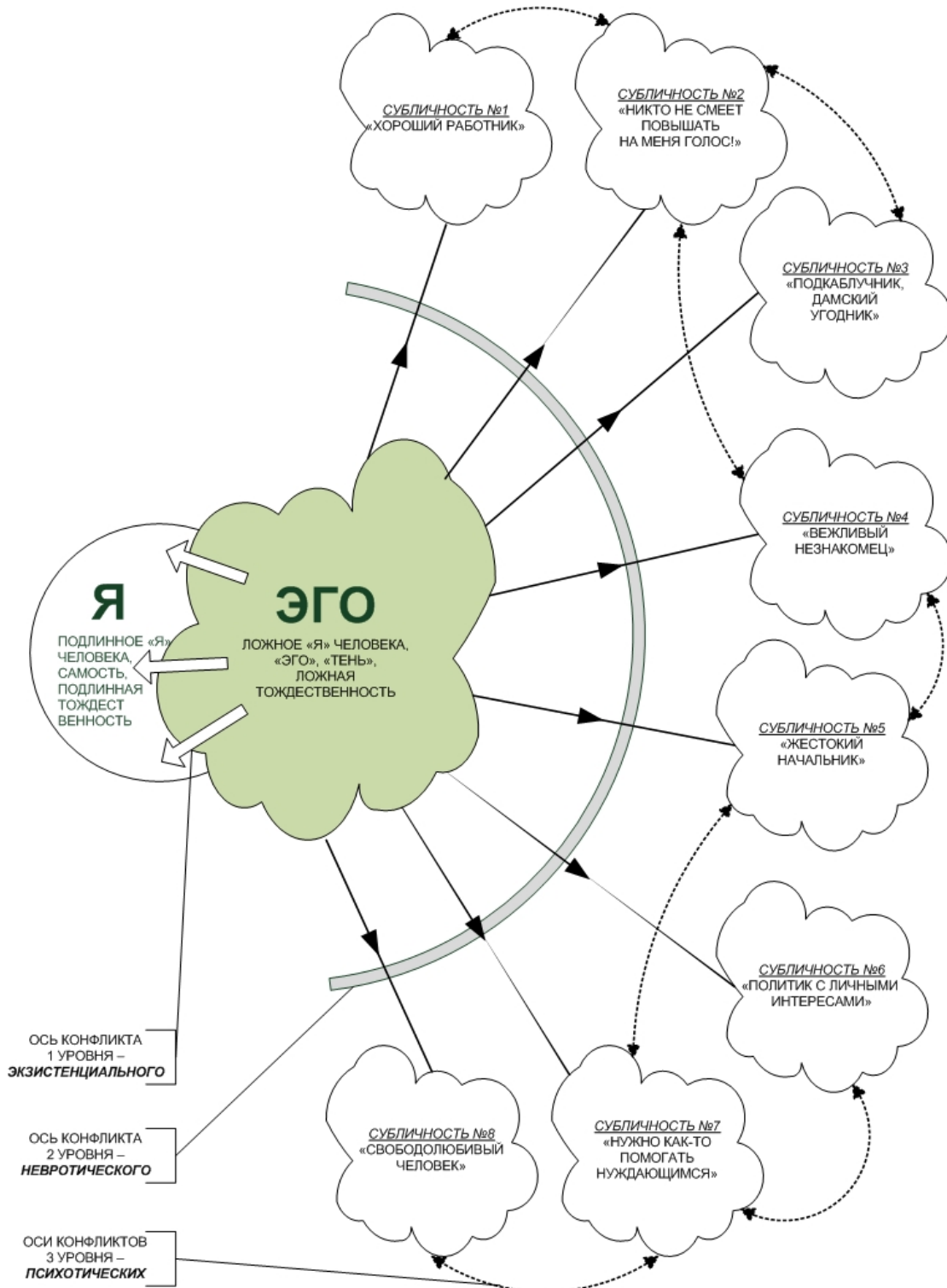
¹³ Рудых А.В. Страх самоактуализации как социокультурный фактор разлада механизма преемственности ценностей // Психология и психотехника. 2011. № 9 (36). С. 44.

¹⁴ Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. С. 56-57.

¹⁵ Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб: Ювента. М.: КСП+, 1999. С. 9.

¹⁶ Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. С. 11-15.

Система тождественностей индивида и оси внутренних конфликтов

благоговения перед сакральным дало свои плоды и поспособствовало преодолению страха самоактуализации, оно должно систематически получать закрепление, поскольку чтобы *Быть* и быть открытым для восприятия подлинных ценностей Бытия, необходимо иметь достаточно сил и мужества, чтобы противостоять всем тем регрессивным дефицитарным тенденциям, что стали уже естественной частью жизни современного человека. Таким образом осуществима ресакрализация, тяжелая и часто рутинная работа, однако именно за счет нее определенные ценности могут правильно передаваться старшим поколением и правильно приниматься младшим.

Преемственность в свете ресакрализации

В свете сказанного необходимо отметить, что, говоря о традиции и возможностях передачи ценностей от одного поколения к другому, следует акцентировать внимание не столько на самой традиции, а на понятии «преемственность». Передача любой ценности зависит именно от того, насколько эта преемственность осуществляется должным образом.

Если обратиться к самому слову, то можно увидеть, что сущностью понятия «преемственность» составляет понятие «преемник», т.е. тот, кто принимает сами ценности. Иными словами, индивид, не обладающий должной квалификацией (или мужеством *быть*) и определенным набором качеств (*страхом-благоговением и ощущением сакрального*), не может стать преемником, поскольку не хочет становиться преемником тех ценностей, которые он не понимает, не уважает, считает бесполезными или отмершими элементами человеческих взаимоотношений: страх самоактуализации блокирует само желание быть связанным с ценностями, за которые в обществе, где большинство разделяет дефицитарные ценности, потребительские ценности массовой культуры, им, возможно, придется страдать, быть изгоем или «белой вороной».

При этом, однако, ценности бытийные могут быть приняты на уровне ритуала — формально, — тогда как реальные ценностные ориентации индивида будут состоять из антиценностей. Благодаря этому общество будет получать формально морально устойчивых индивидов, разделяющих в анкетах, опросах общественного мнения общечеловеческие ценности, по всей видимости, страшась общественного осуждения, однако в периоды кризисов или в моменты, когда за ними никто не наблюдает, отдавая предпочтение антиценностям.

Следовательно, формально механизм преемственности ценностей функционирует постоянно, и даже если нет благодатной почвы, или почва в виде сознания поколения молодых людей остается необработанной, зараженной,

семена достойных ценностей могут попадать в эту почву. Однако маловероятен тот факт, что, когда выросшее растение начнет плодить, мы получим те же самые плоды, что и от поколения предшествовавших им деревьев.

Достаточно представить себе, как ценность, например сострадание, попадая в зараженную страхом самоактуализации и многочисленными нерешенными конфликтами почву, вынуждена пробиваться к сознанию индивида через все те оси конфликтов, что мы описали в Схеме 1. Пройдет ли она этот путь и дойдет ли до сознания индивида в неизменном виде?

В качестве примера можно рассмотреть понятие исламского права «джихад». Мусульмане довольно трепетно относятся к передаче истин Корана в искаженном виде, однако довольно часто это чревато потерей сущности самого послания.

Джихад — это борьба за веру, дословно «усердие на пути к Аллаху», которая трактуется как обязанность каждого правоверного мусульманина. Однако джихад не нужно понимать плоско, поскольку различают несколько видов джихада:

- 1) джихад сердца (борьба с собственными недостатками и пороками, укрощение эгоизма);
- 2) джихад языка (осуждение порицаемого и одобрение дозволенного);
- 3) джихад руки (наказание преступивших установления);
- 4) джихад меча (война с захватчиками, посягающими на столпы мусульманской веры).

Причем джихад меча объявляется только в крайнем случае — когда враг угрожает жизни, вторгается на чужую территорию, сея зло, разрушая культурные традиции и религиозные принципы, нарушая гармоничное существование разных народов.

На сегодняшний день понятие джихада широко эксплуатируется как религиозными деятелями, так и различного рода религиозными мошенниками, популяризирующими этот способ служения Всевышнему среди простого населения мусульманских государств. Однако, учитывая четырехступенчатую структуру процесса осуществления джихада, уместно спросить: как, не пройдя даже первого этапа — невероятно тяжелого — джихада сердца, человек может объявлять джихад меча, на прохождение которого может уйти вся жизнь? Если не упоминать о первых необходимых этапах его реализации, создаются прекрасные возможности для эксплуатации понятия «джихад».

В данном случае мы становимся свидетелями того, как страх самоактуализации, подавляя в человеке остаточные стремления к сакральному, побуждает его идти простым путем, исключаяющим ценностную трансформацию личности, и перенимать лишь форму транслируемого по-

слания, заполняя ее своим несовершенным, а то и вовсе искаженным содержанием. Таким образом, формально мы получаем рабочий механизм преемственности, а сущностно — искаженное ценностное послание.

В этом случае обратимся к В. Франклу, который последовательно описывает действие различного типа неврозов — *психогенных и ноогенных*¹⁷. (Касательно нашей Схемы 1 они приблизительно соответствуют экзистенциальным и психотическим конфликтам.) По В. Франклу, данные типы неврозов могут одновременно сосуществовать в сознании индивида, однако лечение для каждого из них должно быть индивидуальным. И то средство, что поможет индивиду справиться с ноогенным неврозом, вряд ли покажет свою эффективность в противостоянии психогенному.

Также в рассуждениях В. Франкла можно отметить важный момент: ноогенные неврозы (экзистенциальные) присущи всем людям без исключения, однако не так часто они превращаются в обостренные формы психогенных неврозов. И для того чтобы приступить к лечению ноогенных неврозов, необходимо последовательно вылечить индивида от всевозможных психогенных неврозов. Иначе любая ценность, попадая в почву с нерешенными конфликтами, будет трактоваться невротиком в соответствии с глубиной и тяжестью его невротического или психотического конфликта.

Можно предположить, что решение первичного, базисного конфликта и преодоление ноогенного невроза может пройти и помимо решения невроза психогенного, однако в таком случае процесс самоактуализации приведет индивида не к ощущению чувства благоговения перед высшими ценностями и видению сакрального в объектах окружающей действительности, а лишь укрепит его психогенные тенденции (стремление к власти, жестокость, черствость и т.д.), которые получат развитие благодаря силе самоактуализации, однако ценностно ненаправленной. Психотерапевты часто наблюдали примеры подобного в поведении психопатов и социопатов, демонстрировавших высокие баллы по шкалам самоактуализации, при этом оставаясь убийцами и насильниками¹⁸.

Об этом же говорит и Б.С. Братусь в пособии «Начала христианской психологии», отмечая тот факт, что психологи часто относятся к современному поколению российской молодежи так же, как относились бы к поколению русской молодежи начала XX столетия¹⁹. Ученый

справедливо отмечает, что мировоззрение русского человека и мировоззрение советского человека — явления достаточно разные, что же говорить о русском человеке постсоветского периода? Его ментальность является результатом крушения нравов русского человека Российской империи, многочисленных нравственных потрясений, что впитал в себя человек советской эпохи, а также пустоты современной эпохи.

Следовательно, к поколению современной российской молодежи нельзя подходить, не учитывая всех этих потрясений, приведших в итоге к формированию в сознании молодого человека многочисленных комплексов и проблем, часто носящих не только ноогенный, но и психогенный характер. Таким образом, что происходит с теми ценностями, что старшее поколение пытается так заботливо посадить в новую почву? Они прорастут, однако страх самоактуализации сущностно преобразует воплощение этих ценностей в повседневной практике их носителей до неузнаваемости.

В этой связи Н.С. Чернякова, обосновывая идею культуры как живой связи между поколениями, формулирует интересную идею: «...индивид должен сначала распродметить содержание созданных до него продуктов культуры, т.е. осуществить процесс «обратного превращения» результатов предшествующей культуротворческой деятельности в свои собственные знания, умения, идеи, замыслы»²⁰. Иными словами, индивид должен правильно расшифровать послания предков, чтобы именно этот смысл стал теперь и его собственным, частью его системы ценностей.

Каким же образом возможно правильно расшифровать ценностное послание, заключенное часто в замысловатое произведение искусства? Об этом говорит еще одна находка Н.С. Черняковой: «Только реальная жизнедеятельность людей — ученых, художников, верующих — способна оживить содержание овеществленных результатов предшествующей научной, художественной или религиозной деятельности и тем самым сохранить эти результаты в лоне «живой» культуры»²¹. Развивая эту идею, можно предположить, что храм как явление не предметное, а ценностное, как хранитель ценностей людей определенной культурной ментальности, «оживет» только в процессе поклонения в этом храме, и лишь вера человека и его *благоговейное отношение к сакральному, проявляющиеся в его поведении, образе жизни и желаниях*, могут раскрыть для этого верующего подлинную *ценностную сущность* как храма, так и самого религиозного процесса.

¹⁷ Франкл В.Э. Теория и терапия неврозов. СПб: Речь, 2001. С. 42-163.

¹⁸ Хазр Р.Д. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. М.: Вильямс, 2007. 285 с.

¹⁹ Начала христианской психологии. М.: Наука, 1995. С. 41-43.

²⁰ Чернякова Н.С. Ценностные основания культуры: учеб.-методич. пособие. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. С. 81.

²¹ Чернякова Н.С. Указ. соч.

Таким образом, лишь (1) правильно подготовив почву своего сознания, можно (2) воспринять сущность транслируемого послания, и лишь только (3) воплотив ее в своей повседневной жизнедеятельности, «распредметив», индивид становится (4) *преемником* и может и дальше (5) транслировать эти же ценности, но, возможно, в совершенно

иной форме. И ни один из пяти последующих этапов не станет возможен в своей реализации без внутренней трансформации личности современного человека, фундаментальными критериями которой с психологической точки зрения становятся процесс ресакрализации и преодоление страха самоактуализации.

Список литературы:

1. Ассаджиоли Р. Психосинтез: принципы и техники. М.: Психотерапия, 2008. 380 с.
2. Буртовая Н.Б. Личностные и профессиональные предпосылки формирования эмоционального выгорания у преподавателей высшей школы // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Выпуск 12 (102). С. 141-149.
3. Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М.: Смысл, 1999. 425 с.
4. Начала христианской психологии. М.: Наука, 1995. 236 с.
5. Рудых А.В. Страх самоактуализации как социокультурный фактор разлада механизма преемственности ценностей // Психология и психотехника. 2011. № 9 (36). С. 35-49.
6. Салливан Г.С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб: Ювента. М.: КСП+, 1999. 347 с.
7. Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М.: Юрист, 1995. 479 с.
8. Флоренский П.А. Изменение имен как внешний знак перемен в религиозном сознании. М.: Изд-во храма св. мученицы Татианы, 2006. 360 с.
9. Франкл В.Э. Теория и терапия неврозов. СПб: Речь, 2001. 234 с.
10. Хаэр Р.Д. Лишенные совести. Пугающий мир психопатов. М.: Вильямс, 2007. 285 с.
11. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М.: Академический Проект, 2008. 224 с.
12. Хорни К. Невроз и рост личности: Борьба за самореализацию. М.: Академический Проект, 2008. 400 с.
13. Хорни К. Собрание сочинений: в 3 т. М.: Смысл, 1997. Т. 2: Новые пути в психоанализе; Самоанализ. 544 с.
14. Чернякова Н.С. Ценностные основания культуры: Учебно-методическое пособие. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. 108 с.
15. Юнг К.Г., Фуко М. Матрица безумия. М.: Алгоритм, Эксмо, 2007. 384 с.

References (transliteration):

1. Assadzhioli R. Psikhosintez: printsipy i tekhniki. M.: Psikhoterapiya, 2008. 380 s.
2. Burtovaya N.B. Lichnostnye i professional'nye predposylki formirovaniya emotsional'nogo vygoraniya u prepodavateley vysshey shkoly // Vestn. Tomskogo gos. ped. un-ta (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2010. Vypusk 12 (102). S. 141-149.
3. Maslou A. Novye rubezhi chelovecheskoy prirody. M.: Smysl, 1999. 425 s.
4. Nachala khristianskoy psikhologii. M.: Nauka, 1995. 236 s.
5. Rudykh A.V. Strakh samoaktualizatsii kak sotsiokul'turnyy faktor razlada mekhanizma preemstvennosti tsennostey // Psikhologiya i psikhotehnika. 2011. № 9 (36). S. 35-49.
6. Sallivan G.S. Interpersonal'naya teoriya v psikhiatrii. SPb: Yuventa. M.: KSP+, 1999. 347 s.
7. Tillikh P. Izbrannoe: Teologiya kul'tury. M.: Yurist, 1995. 479 s.
8. Florenskiy P.A. Izmenenie imen kak vneshniy znak peremen v religioznom soznanii. M.: Izd-vo khrama sv. muchenitsy Tatiany, 2006. 360 s.
9. Frankl V.E. Teoriya i terapiya nevrozov. SPb: Rech', 2001. 234 s.
10. Khaer R.D. Lishennye sovesti. Pugayushchiy mir psikhopatov. M.: Vil'-yams, 2007. 285 s.
11. Khorni K. Nashi vnutrennie konflikty. Konstruktivnaya teoriya nevroza. M.: Akademicheskii Proekt, 2008. 224 s.
12. Khorni K. Nevroz i rost lichnosti: Bor'ba za samorealizatsiyu. M.: Akademicheskii Proekt, 2008. 400 s.
13. Khorni K. Sobranie sochineniy: v 3 t. M.: Smysl, 1997. T. 2: Novye puti v psikhoanalize; Samoanaliz. 544 s.
14. Chernyakova N.S. Tsennostnye osnovaniya kul'tury: Uchebno-metodicheskoe posobie. SPb: RGPU im. A.I. Gertsena, 2003. 108 s.
15. Yung K.G., Fuko M. Matritsa bezumiya. M.: Algoritm, Eksmo, 2007. 384 s.